

Гастроли Московского
Художественного
академического театра
имени М. Горького

«ВАШ ГОРОД — ПРЕКРАСЕН!»

В нашем городе продолжают гастроли Московского Художественного театра имени М. Горького. Этот прославленный коллектив вот уже двенадцать лет возглавляет народный артист Советского Союза, лауреат Государственных премий СССР профессор Олег Николаевич Ефремов. Он широко известен и как популярный артист кино, и как режиссер, и как деятель советского театра. Мы встретились с Олегом Николаевичем и задали ему ряд вопросов, связанных с Художественным театром, проблемами, которые приходится ему решать, а также вопросы, касающиеся его актерской жизни, ролей, сыгранных на сцене и в кино.

— Олег Николаевич, бывали ли Вы раньше в Алма-Ате и какое впечатление производит на Вас столица Казахстана?

— Алма-Ата для меня — город символический во многих отношениях. Почему-то так случилось в жизни, что именно с этим городом связаны какие-то переломные моменты моей судьбы. Впервые я попал в Алма-Ату в 1955 году, когда снимался в фильме «Первый эшелон». Это была, в сущности говоря, первая кинолента об освоении целины. Я был тогда молодым актером Центрального Детского театра. Съемки происходили в Каскеленском районе, в Кокчетавской области, но мы жили и в Алма-Ате. Город в те годы был совершенно непохож на нынешнюю Алма-Ату. Сегодня это город-красавец, город-парк, город поразительно современной архитектуры, которая опирается вместе с тем на национальные традиции градостроительства. Так вот, жили мы тогда в небольшой двухэтажной гостинице, и именно в это время мною и моими друзьями полностью овладела идея организации нового театра. Потом этот театр получил название «Современник». Но именно в Алма-Ате было принято решение — и я ушел из Центрального Детского театра. Началась для меня совершенно новая полоса жизни. И вот прошло 15 лет, я снова в Алма-Ате, уже вместе с театром «Современник». Очень хорошо помню, что было это в июне, что было очень жарко, и что город я тогда просто не узнал: настолько он вырос, похорошел. Мы гастролировали тогда в помещении Русского драматического театра, гастроли шли обычным порядком, а параллельно этому со мной велись переговоры о том, чтобы возглавить Художественный театр. Я собрал тогда весь коллектив «Современника» и предложил им всем влиться в труппу Художественного театра — такая возможность тогда была. Но практически все отказались. Именно после гастролей в Алма-Ате я ушел из «Современника» и ослепным 1970 года стал главным режиссером МХАТа... Вы, наверное, думаете, куда я перейду теперь, после нынешних гастролей в Алма-Ате? Я надеюсь, что на этот раз судьба меня помилует, и никаких решительных перемен в моей жизни не произойдет.

— Олег Николаевич, МХАТ — академический

театр, известно, что такое звание накладывает серьезные обязательства. Академия — это солидность, осторожность, взвешенность, традиции и т. д. А «Современник» был студией, был молодым театром, достаточно далеким от устоявшихся традиций. Как же произошел Ваш переход из одного театра в другой, противоположный по своей основе!

— Я думаю, что вопрос этот неправильно сформулирован. Вы очень ошибаетесь, если думаете, что «Современник» противостоял Художественному театру по своей программе. Скажу, может быть, излишне прямолинейно так: «Современник» это и есть МХАТ, т. е. он тогда хотел быть тем театром, каким во многом переставал быть Художественный театр. Главная идея «Современника» тех лет — возрождение принципов Художественного театра в новых исторических обстоятельствах. И тут не было чего-то совершенно небывалого. Сам МХАТ в лучшие его времена прекрасно создавал, как важно освобождаться от штампов, от спеси, от ощущения, что мы первые, и навсегда первые. Не случайно Станиславский и Немирович-Данченко разработали целую систему мер, которые должны были противостоять естественному застою театра. И одна из самых принципиальных мер — создание при Художественном театре студий, т. е. таких художественных организаций, в которых бы вновь и вновь проверялись и очищались от наслоений первоначальные идеи Театра, в которых бы вновь и вновь актерское искусство очищалось бы от всего наносного, всего того, что мешает актеру проникать в природу человеческой души. Из этих студий, как вы знаете, выросли потом и Театр им. Вахтангова, и МХАТ-II во главе с Михаилом Меховым, и т. д. «Современник» именно в этом плане и был студией Художественного театра, ведь почти все его актеры — выпускники мхатовской школы. Поэтому я бы не стал противопоставлять МХАТ и «Современник», хотя, конечно, Художественный театр — организм огромной сложности, многих исторических напластований. Во МХАТе также надо было проводить работу как бы «глубокого бурения», т. е. надо было возвратиться к чистоте идей, заложенных основателями театра. Эти идеи иногда сравнивают с огнем. Но огонь — опасная вещь. Надо уметь им пользоваться. А ведь довольно много людей хотело не столько поддерживать и сохранять этот огонь, сколько греть около него руки...

— Ну, а в современном МХАТе есть ощущение, которое было в студии, которая была бы, как когда-то «Современник», «хранителем огня»?

— Конечно, есть. В какой-то степени я расчитываю на Малую сцену, которую мы открыли в прошлом году. Эта сцена должна быть экспериментальной площадкой для поисков но-

вых поколений драматургов, режиссеров, актеров. Некоторые маститые с опаской смотрят эту Малую сцену, потому что она является угрозой комфортному и легкомысленному существованию в искусстве. На этой сцене у нас уже вышли несколько интересных спектаклей, вызвавших общественный резонанс. В конце концов, самое главное, чтобы театр не отрывался от реальных проблем реальной жизни. Но это, конечно, и самое трудное.

— Олег Николаевич, Вы играете в Алма-Ате роль инженера Голубева в новой пьесе А. Гельмана «Наедине со всеми». В каком случае Вы сами играете в спектаклях, в которых являетесь и режиссером, и как Вам удается совмещать эти две довольно разные профессии?

— Совмещать их почти невозможно. Наверное, это у меня так получается, так было еще и в «Современнике»: приходилось играть в собственных спектаклях. Но чаще всего я ставил спектакль с каким-нибудь актером, а потом уже вводился на ту или иную роль. Или я ставил спектакль вместе с каким-нибудь режиссером, и потому мог в нем репетировать еще и как актер. Что касается пьесы А. Гельмана, то центральную роль в ней репетировал Е. Евстигнеев. Но, к сожалению, в то время он заболел надолго. И надо было вдобавок защищать пьесу — и как режиссеру, и как актеру. После того, как мы сыграли премьеру, в спектакль вошла еще одна пара исполнителей (в пьесе всего две роли) — А. Вертинская и С. Любшин.

— Как Вы выдерживаете подобные перегрузки — театр, режиссура, актерство, кинематограф, телевидение. Как можно это все совместить?

— Наоборот, это меня стимулирует. Я не представляю себе иного типа жизни.

— И последний вопрос. Какие планы у вашего театра и у Вас лично в новом сезоне, который Вы начали в Алма-Ате?

— Планов очень много. В этом году у нас в театре будут ставить спектакли талантливые режиссеры: это ленинградцы Лев Додин и Камо Гинкас, москвичи Анатолий Васильев и Марк Розовский, известный грузинский режиссер Теймур Чхеидзе, режиссер из Румынии Алекса Виссарион, болгарский режиссер Младен Киселов. Мы собираемся выпустить в этом году «Живой труп» Толстого в постановке Эфроса, пьесы Шекспира, Франко, Джавахишвили, Салтыкова — Щедрина, пьесу английского драматурга П. Шаффера «Амадеус» и другие. Я сам, вероятно, буду работать над двумя новыми современными пьесами — комедией Михаила Рошина «Перламутровая Зинаида» и пьесой Александра Гельмана «Скамейка».

— Когда Вы еще приедете к нам на гастроли?

— Если бы это зависело только от меня, то я бы приезжал каждый год. Ваш город прекрасен!

Записала В. ИВАНОВА.